

І УСТОЙЧИВОСТЬ И РЕГУЛЯРНОСТЬ І

ГЛАВА 7. ДИНАМИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ

А.Д.Богатуров

Стабильность — одно из наиболее часто и неточно употребляемых слов международно-политического словаря. В разных значениях им пользуются теоретики военной стратегии, политологи, историки, экономисты и т.д. В последнее десятилетие его стали осваивать экологи и юристы. Как отмечает канадский исследователь Дэвид Дьюит, в связи с отступлением ядерной угрозы подходы к обеспечению стабильности и безопасности стали пересматриваться с точки зрения «деградации окружающей среды и ее способности поглощать вредные последствия, снабжения стратегическими минеральными ресурсами, распространения наркотиков, неконтролируемого перемещения крупных масс капитала или населения, эпидемий, терроризма...»¹ На Западе формируется целая подотрасль знаний, связанная с изучением международных отношений под экологическим углом зрения. Вышедшая в конце 1993 г. одновременно в Нью-Йорке и Лондоне книга под режущим глаз названием «Средоохранные основы политической стабильности»² — лишь одна из иллюстраций, прямо связанных с нашей темой.

В задачи работы не входит разбор всех аспектов стабильности как предмета изучения гуманитарных наук. Анализ будет ограничен международно-политическим аспектом с минимальными экскурсами в сопредельные области военно-стратегических и экономико-политических исследований. Приходится констатировать, что ясности и единообразия в понимании «стабильности» нет. Многоголосье продолжается в употреблении понятий «стабильность», «статус-кво», «силовое равновесие», «безопасность» и «порядок». Некоторые из этих терминов («стабильность» — «силовое равновесие»; «стабильность» — «безопасность») используются как взаимозаменяемые, вплоть до того, что одно полностью вытесняет другое³. Для целей

---

¹ *Dewitt D.B.* The New Global Order and the Challenges to International Security // Building a New Global Order. Emerging Trends in International Security. Toronto; Oxford; New York: Oxford University Press, 1993. P. 2.

² *Myers N.* The Environmental Basis of Political Stability. Ultimate Security. N.Y.; L.: W.W.Norton and Company, 1993.

³ Например, Линн Миллер, автор оригинальной исторической интерпретации проблемы поддержания мира в международных отношениях последних

дальнейшего изложения важно определить место «стабильности» в ряду сходных, но существенно иных явлений.

Стабильность, статус-кво и силовое равновесие

Взаимосвязь между первыми двумя понятиями существовала с тех пор, как человечество осознало, что внезапные изменения могут влечь за собой наибольшие потери из-за того, что к ним нельзя заранее подготовиться. Однако понятие «стабильность» до XIX в. в политических рассуждениях, судя по литературе, употреблялось мало. Даже и в XIX в. оно не имело широкого распространения, поскольку в ходу было перекрещивающееся с ним по смыслу, хотя и не тождественное выражение «статус-кво» («существующее положение»). Показательно, что в книгах по истории международных отношений, опубликованных до Второй мировой войны, слово «стабильность» встречается эпизодически. В более поздних работах, особенно в 50-е годы, оно стало употребляться чаще, причем применительно не только к послевоенному периоду, но и к более ранним. В то время началось активное «освоение» этого термина в контексте мировой стратегической ситуации и авторы «опрокидывали» заново осмысливаемое понятие на прошлое.

Одним из пионеров в этом смысле был британский историк Алан Джон Персивал Тэйлор, автор классического труда «Борьба за господство в Европе. 1848-1918 гг.», опубликованного в 1954 г.¹ и оказавшего глубокое влияние на несколько поколений специалистов. А.Тэйлор рассматривал понятие «стабильность» в политическом контексте — наряду с понятиями «статус-кво» и «силовое равновесие» (*balance of power*). Перевод его работы на русский язык в 1958 г. сыграл определяющую роль в популяризации этих терминов в советской историко-дипломатической литературе. Показательно, что «стабильность» как понятие, вводимое в аналитический оборот отчасти как бы заново, А.Тэйлор в основном употреблял в собственных рассуждениях, а более архаичные «статус-кво» и «силовое равновесие» — при описании образа действий государств и политиков предшествовавших периодов; тем большую ценность представляет собой данный труд с точки зрения уяснения семантической традиции употребления этих терминов.

Первое, в чем убеждает анализ книги А.Тэйлора, это — преобладание одностороннего восприятия стабильности. Сознание предпочитало фиксировать в основном ее «статическое» измерение. В стабильности видели и стремились видеть не то, чем ее можно было бы охарактеризовать в научном смысле, а «просто» антипод переменам²

трех веков, во всех случаях увязывает отсутствие войн с «силовым равновесием» (*balance of power*). См.: *Miller L.H. Global Order. Values and Power in International Politics. 3rd ed. Boulder; San Francisco; Oxford: Westview, 1994.*

¹ Тэйлор А.Дж.П. Борьба за господство в Европе. М., 1958. Русский перевод книги давно стал библиографической редкостью.

² Пример такого восприятия, сохранившегося до наших дней, — изданная в 1988 г. книга К.Голдмана с характерным противопоставлением в названии

или «ревизионизму», под которым понимались попытки изменить сложившиеся между государствами соотношения в самом широком смысле слова — территориальные, демографические, военно-силовые, экономические, идейно-политические и т.д.

Но антиподом «ревизионизму» виделось и поддержание статус-кво. В отличие от отвлеченно звучащей «стабильности» это понятие было привычным для дипломатов XIX — начала XX вв. Возникало ощущение, что статус-кво — и есть воплощение стабильности. С понятийной точки зрения такое мнение предстает упрощением. Но практики тонкостями дефиниций пренебрегали, а теория международных отношений стала развиваться в основном после 1945 г. До тех пор «стабильность», как она интуитивно ощущалась политиками, выступала символом идеального состояния международной системы, в которой государства не имели оснований искать повода для войн, но периодически доверительно обсуждали бы спорные проблемы, продвигаясь к их решению.

При этом фактор силы не сбрасывался со счета. Предполагалось, что для сохранения статус-кво необходимо, чтобы ревизионистское государство имело возможность заранее оценить размеры своих возможных потерь от нарушения мира. С этой точки зрения военные демонстрации (демонстрация флага у побережья, например) не только не осуждались морально (понятие «силовой шантаж» появилось позже), но казались нравственным средством удержать агрессора от выступления. Правда, хотя наличие или отсутствие военной силы проецировалось на дипломатические переговоры, главной для дипломатии статус-кво была не она. Задача виделась не в нанесении удара, а в навязывании оппоненту «амортизирующих» согласований, в ходе которых имелось в виду подвести его к пониманию неприемлемости войны для него самого, с одной стороны, и возможности компромисса, с другой. Можно резюмировать: в XIX и первой половине XX веков со стабильностью связывалось представление об идеальной системе международных отношений, в которой основной целью считалось сохранение статус-кво, а главным условием ее реализации — сохранение силового равновесия. Необходимо сказать о последнем.

Одним из ключевых понятий дипломатии статус-кво — дипломатии Клементы Меттерниха, а в определенный период и Отто фон Бисмарка — был «balance of power». Традиционно это словосочетание переводилось как «баланс сил». Перевод представляется неправильным. Слово «баланс» в русском языке означает просто «соотношение» без определения того, каким именно это соотношение является. Значит, выражение «баланс сил» по-русски равнозначно словосочетанию «соотношение сил» — соотношение любое, равновесное или неравновесное. Между тем, главное значение слова англ-

---

«Изменения и стабильность во внешней политике». См.: Goldman K. Change and Stability in Foreign Policy: The Problems and Possibilities of Detente. Princeton: Princeton University Press, 1988.

лийского «balance» — «равновесие». Следовательно, «balance of power» следовало бы переводить как «равновесие силы», что точнее лингвистически, или «силовое равновесие», что правильно по сути. Именно так «balance of power» интерпретируется в антологии современной теории международных отношений, изданной в 1987 г. Полом Виотти и Марком Кауппи, которые синонимически употребляют по отношению к «balance of power» слово «equilibrium», что буквально и означает «равновесие»¹. Стоит иметь в виду, что для передачи того смысла, который по-русски несет выражение «баланс сил», то есть их соотношение, в английском языке существует адекватное по смыслу выражение «balance of forces». Ободряет, что один из «современных классиков» мышления категориями статус-кво Г.Киссинджер в своих поздних (но не ранних) работах проводит грань между понятиями «balance of power» (силовое равновесие) и «balance of forces» (что буквально соответствует русскому «баланс сил», «соотношение сил»). Он применяет первое к истории до 1918 г., а второе — например, к нынешней ситуации неустоявшихся соотношений влияния между Германией и ее европейскими соседями².

В таком же смысле пользуется термином «balance of forces» Пол Кеннеди, один из наиболее ярких современных исследователей международных отношений историко-системной школы. Ему следует в своей работе о теории «циклов силы» и понятиях абсолютной и относительной мощи великих держав политолог Чарльз Доран³. Классик теории международных отношений Ганс Моргентау еще в своей основополагающей работе 40-х годов подсчитал, что выражение «balance of power» в современной ему литературе употреблялось в девяти (!) разных значениях, причем даже в его собственной работе — в четырех. И все же даже сам Г.Моргентау счел нужным пояснить, что наиболее точный смысл этого словосочетания передается термином «равновесие»⁴.

Пытаясь приблизиться к ясности, будем использовать термин «силовое равновесие», не злоупотребляя броским и неточным «баланс сил». Выражение «баланс сил» в русском восприятии вызывает ассоциации с представлением о неких суммарных соотношениях — как если бы речь шла о совокупной мощи всех держав. «Силовое

¹ International Relations Theory. Realism. Pluralism. Globalism / Ed. by Paul Viotti and Mark Kauppi. N.Y.; L.: Macmillan Publishing Company, 1987. P. 51-52.

² Kissinger H. Russian and American Interests after the Cold War // Re-thinking Russia's National Interests / Ed. by Stephen Sestanovich. Washington: Center for Strategic and International Studies, 1994. P. 1, 3.

³ Kennedy P. The Rise and Fall of Great Powers. N.Y.: Random House, 1988. P. 534; Doran Ch. Quo vadis? The United States' Cycle of Power and Its Role in a Transforming World // Building a New Global Order. Emerging trends in International Security / Ed. by D.Dewitt, D.Haglund, J.Kirton. Toronto; Oxford; New York: Oxford University Press, 1993. P. 17.

⁴ Morgenthau H.I. Politics Among Nations. 6th ed. N.Y.: Knopf, 1985. P. 173.

равновесие» от таких ассоциаций свободно. Между тем, в принципе «balance of power» не было идеи суммирующих сопоставлений. Напротив, он означал сравнения индивидуальные. Имелось в виду «равновесие один на один»: *каждое* из наиболее сильных европейских государств должно было оставаться приблизительно равным по силе любому другому, *так же взятому в отдельности*. Только тогда коалиция заведомо должна была оказаться сильнее любой державы в отдельности. Значит, мог существовать и построенный на идее коалиций европейский концерт с присущим его эпохе «дисперсным» типом отношений между великими державами, при котором между всеми ими сохранялась приблизительно равная дистанция, а постоянных предпочтений не было. Преобладала, как пишет А.Тэйлор, «линия мирной удаленности (pacific detachment): в дружбе со всеми и в союзе ни с кем»¹. Были только правила игры, в которой самоцелью казалась игра, а индивидуальный выигрыш (обычно имевший место) формально считался как бы под запретом. Уловив эту «нормативную конкурентность», президент В.Вильсон в обращении к сенату конгресса США 27 января 1917 г. назвал политику «равновесия сил» «организованным соперничеством»².

Покуда силовое равновесие *tete-a-tete* (индивидуальное силовое равновесие) удавалось сохранять, коалиции успешно выполняли роль регуляторов международной системы. Их силами статус-кво поддерживался до последней четверти XIX в.³ Но затем дело пошло к формированию долгосрочных союзов (1879 г. — заключение союза Германии и Австро-Венгрии, впервые прямо не связанного с подготовкой войны). «Дисперсный» тип отношений сменился устойчивым избирательным партнерством. Формула исчисления силового равенства усложнилась. Стало труднее оценить потенциальные потери в войне и силы противника. Возросла непредсказуемость. Парадоксально, становление более устойчивых отношений между отдельными странами *в рамках групп* вылилось в рост *общеевропейской* нестабильности. Принцип силового равновесия, эффективный на индивидуально-страновом уровне, на межкоалиционном не сработал.

Похоже, он морально устаревал. Но не от того, что нельзя было обеспечить равенства коалиций, а как раз потому, что при узости круга ведущих государств этого равенства было нельзя избежать; а значит, невозможно было гарантировать *заведомое* превосходство одной коалиции над другой — эффект, который был основой сдерживающего влияния на ревизионистскую страну в эпоху, когда коа-

¹ Taylor A.J.P. Bismark. The Man and the Statesman. N.Y.: Vintage Books, 1967. P. 142.

² The Papers of Woodrow Wilson / Ed. by Arthur Link. Princeton: Princeton University Press, 1982. Vol. 40. P. 536.

³ Рассмотрению роли России в этой связи посвящена одна из наших работ. См.: Богатуров А.Д. Евразийский устой мировой стабильности // Международная жизнь. 1993. № 2. С. 34-46.

лиции существовали не постоянно, а создавались «по случаю» и действовали против отдельных держав, а не друг против друга. Возникновение коалиционной конфронтации подорвало идею классического «силового равновесия» как противостояния преимущественно индивидуального.

Тем не менее, два межвоенных десятилетия были временем систематических попыток держав-победительниц вернуться к ситуации, когда статус-кво можно было удерживать при помощи силового равновесия. Попытки реализовать эту задачу во многом определили работу Лиги Наций¹. И в той мере, в какой такие надежды были эмоционально привлекательными для поколений политиков, находившихся у власти в 20-е и 30-е годы, термины «статус-кво» и «balance of power» оставались в активе анализа, перекрещиваясь с понятием «стабильность».

Стабильность и безопасность

После Второй мировой войны ситуация стала меняться. Термин «статус-кво» стал употребляться реже. Сузился спектр применения «balance of power» — поскольку с появлением ядерного оружия у США и СССР стало труднее определить, что под таковым должно пониматься. В политический лексикон с подачи Джорджа Кеннана вошло «сдерживание» (containment). Позднее хождение получило выражение «устрашение» (deterrence).

В 50-е годы популярность «стабильности» среди аналитиков и политических писателей быстро возрастала. Причем, термин начал отрываться от историко-политического контекста и включаться в понятийный аппарат военно-стратегических исследований. В новом терминологическом поле «стабильность» утрачивала ассоциации с представлениями о международных конгрессах, договорах и организациях для контроля над их соблюдением и т.п. Военные эксперты придали «стабильности» роль технического термина, характеризующего состояние военно-стратегической обстановки в мире, когда скованные взаимным страхом сильнейшие державы (США и СССР) не решались напасть друг на друга и не позволяли этого сделать никому из жестко контролируемых ими сателлитов. Соответственно, под укреплением стабильности понималось консервирование принципиальных силовых соотношений между соперниками и, что, возможно, было важнее, разумно высокого (взаимосдерживающего) уровня опасений в отношении друг друга.

Истоки «военизации» понятия «стабильность» показаны в книге Марка Трахтенберга, современного американского специалиста в области военно-исторических и политических исследований. Как он подчеркивает, сращивание значений «стабильность» и «безопасность» было инициировано появлением военно-политической доктрины

¹ Miller L. Op. cit. P. 50.

«стратегической стабильности»¹. Известная также под названием доктрины «взаимно гарантированного уничтожения», она была разработана во второй половине 50-х годов в Лос-Анджелесе, в исследовательском центре РЭНД-корпорейшн². Ее смысл состоял в признании достигнутого потенциала ядерных арсеналов США и СССР достаточным для уничтожения друг друга независимо от того, с чьей стороны будет исходить первый удар. В таком случае преимущество первого удара обесмысливалось.

Такое понимание неприемлемости первого удара могло существовать, пока стратегические силы США и СССР оставались уязвимыми для ядерных ударов друг друга. Следовательно, для упрочения мира обе державы должны были прийти к пониманию необходимости примириться с этой уязвимостью как своего рода залогом неприменения каждой из них ядерного оружия первой. Идея консервации этой принципиальной уязвимости, отказа от попыток (практически нереализуемых) стать неуязвимым и тем обрести решающее стратегическое преимущество и была воплощена в слове «стабильность», которое вошло в название доктрины.

Доктрина «стратегической стабильности» стала обсуждаться при второй администрации Д.Эйзенхауэра (1957-1961), а при Дж.Кеннеди она стала теоретической основой американской политики. Не удивительно, что слово «стабильность» стало восприниматься почти как синоним термина «безопасность». Начало этому в 60-е годы прямо или косвенно положили ученые, причастные к формулированию и популяризации доктрины — Альберт Уолстеттер (Albert Wohlstetter), Бернард Броди (Bernard Brodie), Фред Хофман (Fred Hofman), Томас Шеллинг (Thomas Shelling) и др.³ Они не чувствовали себя связанными традицией употребления слова «стабильность» и применяли его в отрыве от контекста, характерного для школы историко-дипломатических исследований⁴. Понятие «стабильность» стало сливаться с понятиями «устрашение» и «безопасность» — в той мере, как безопасность ассоциировалась с избеганием войны, а «устрашение» рассматривалось как средство достижения этой цели. Процесс этот шел так энергично, что к 70-м годам основная масса специалистов по военной стратегии уже не сомневалась, что эти понятия вполне тождественны. Возникла целая литература, написанная в

¹ Trachtenberg M. History and Strategy. Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 17-25.

² В работах на русском языке эта доктрина разбиралась неоднократно. Многие из них сегодня неудовлетворительны в силу своей тенденциозности.

³ См.: Schelling Th., Halperin M. Strategy and Arms Control. N.Y., 1961; Arms Control, Disarmament and National Security / Ed. by Donald Brennan. N.Y., 1961.

⁴ На это, кстати, хотя и под существенно иным углом зрения, указывает и М. Трахтенберг, упрекающий основоположников «стратегической стабильности» в пренебрежении политическими аспектами принятия решений. См.: Trachtenberg M. Op. cit. P. 25.

подобном понятийном ключе¹. В 80-х преимущественное право на оперирование понятием «стабильность» настолько прочно утвердилось за экспертами военно-политического профиля, что употребление этого термина в ином контексте уже требовало оговорки.

Отождествление стабильности с безопасностью характерно как для общих, так и для региональных исследований. Модели первых переносятся в последние, а поскольку труды по регионоведению культурой мышления пишущих редко превосходят общеполитологические, то в регионоведческих книгах дело доходит до курьезных упрощений. Авторы одной из работ, претендующих на исследование отношений в Восточной Азии, вообще не увидели разницы между «стабильностью» и «безопасностью». В главе, которой открывается их книга, в качестве ключевого фигурирует термин «стабильность-безопасность»². Тем важнее определиться.

Определение стабильности

Взаимосвязь стабильности с безопасностью, отмечаемая всеми исследователями, не дает оснований упрощать характер этой связи. В литературе предпринимались попытки объяснить содержание понятия «стабильность». За отправную можно взять точку зрения известных американских ученых К.Дойтча и Дж.Д.Сингера, по мнению которых, «стабильность — это вероятность того, что система сохраняет все свои основные характеристики; что ни одна из наций не получает преобладания; что большинство членов системы продолжают выживать; и отсутствует крупномасштабная война»³. Поясняя свое видение, авторы добавляют: «стабильность стоило бы связывать с вероятностью продолжения государствами своего политически независимого существования при сохранении их территориальной целостности и в условиях отсутствия высокой вероятности втягивания в «войну за выживание»»⁴.

¹ Не злоупотребляя перечислением (библиография «стратегической стабильности» насчитывает сотни названий), сошлемся лишь на те работы, которые особенно явно акцентировали связь стабильности с безопасностью: National Security and International Stability / Ed. by V.Brodie, M.Intriligator, R.Kalkowecz. Cambridge (MA): Oelgeschlager, Gunn and Hain, 1983; Stability and Strategic Defenses / Ed. by Jack Barkennbus and Alvin Weinberg. Washington, D.C.: Washington Institute Press, 1989. Из недавних см. также: Huth P., Russett B. General Deterrence between Encuring Rivals: Testing Three Competing Models // American Political Science Review. Vol. 87. № 1 (March 1993). P. 61-73.

² East Asia Conflict Zones. Prospects for Regional Stability and De-escalation / Ed. by Lawrence E.Grinter and Young Whan Kihl. N.Y.: St.Martin Press, 1987. P. 17.

³ Deutsch K., Singer D. Multipolar Power Systems and International Stability // Analyzing International Relations: a Multimethod Introduction / Ed. by W.Coplin and Ch.Kegley. N.Y.: Praeger, 1975. P. 321.

⁴ Ibidem.

Иначе, но логически и методологически сходно, решает задачу британский теоретик Н.Ренгер. По его мнению, «определение стабильности должно было бы подразумевать международную систему, которая не склонна к насильственным спорам, по крайней мере, между великими державами»¹.

Оба эти варианта объяснения можно считать приемлемыми, когда и если речь идет о прикладных задачах — анализе конкретных ситуаций или лекции в студенческой аудитории. Вместе с тем, трудно не видеть, что и К.Дойтч с Дж.Д.Сингером, и Н.Ренгер описывают стабильность, но не дают ее определения — и поэтому с теоретической точки зрения их ответы неадекватны.

Но были и попытки дать определение стабильности, уйдя от описательности. Американский ученый Л.Ричардсон предложил понимать под стабильностью набор условий, при которых система международных отношений сохраняет способность восстанавливать равновесие, оставаться равновесной. Под нестабильностью он понимал отсутствие таких условий и нарастание в системе изменений до какой-то критической точки, в момент достижения которой происходит распад². Эта точка зрения вызывала критику рецензентов неконкретностью, хотя, как представляется, требуемый уровень абстракции — как раз ее достоинство.

В американской политологии можно встретить и еще более обобщенный вариант понимания стабильности, принадлежащий крупнейшему современному теоретику-структуралисту Кеннету Уольтцу. Насколько можно понять, он полагает, что стабильность — это состояние, при котором система просто способна продолжать свое существование, не разрушаясь³.

Несмотря на отвлеченность интерпретаций Л.Ричардсона и К.Уольтца, оба они соответствуют своему наименованию. Ценными в них представляются, как минимум, три момента: видение межгосударственных отношений как саморегулирующейся системы [1], восприятие стабильности как системного состояния, а не набора конкретных условий (отсутствие доминирующего государства — по К.Дойтчу и Дж.Д.Сингеру; или отсутствие войны между великими державами — по Н.Ренгеру)[2], указание на наличие подлежащей формализации связи между выживаемостью системы и ее способностью адаптироваться к переменам [3].

¹ Rengger N.J. No Longer a «Tournament of Distinctive Knights»? Systemic Transition and the Priority of International Order // From Cold War to Collapse: Theory and World Politics in the 1980s / Ed. by Mike Bowker and Robin Brown. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 158.

² См.: Richardson L.F. Arms and Insecurity. Chicago, 1960. P. 67.

³ Waltz K.N. Theory of International Politics. Reading: Addison-Wesley, 1979. P. 161-163. Взгляды К.Уольтца на стабильность были подвергнуты критике, опять-таки за их отвлеченность, Дж.Л.Гэддисом. См.: Gaddis J.L. International Relations Theory and the End of the Cold War // International Security. Vol. 17. № 3. P. 5-57 (особ. p. 32).

Вместе с тем, представляется, что акцент на динамическом характере стабильности стоило бы усилить. Думается, что от зафиксированной Л.Ричардсоном и К.Уольтцем констатации «стабильность — состояние» было бы правильно сделать шаг к постановке вопроса в плоскости «стабильность — движение». В российской печати эта наша точка зрения уже излагалась. Как отмечалось в публикациях, предшествовавших этой работе¹, под «стабильностью» уместно понимать определенный тип движения системы межгосударственных отношений; движение относительно плавное, равномерное и предсказуемое, при котором система оказывается в состоянии существовать, воспроизводиться и изменяться, не утрачивая при этом своих базисных характеристик. Стабильность характеризует способность системы обеспечивать назревшие, необходимые для ее самосохранения перемены, компенсируя их таким образом, чтобы утрата отдельных элементов или характеристик не создавала угрозы для выживания системы в целом. Очевидно, в стабильности присутствуют и консервирующее, и трансформирующее начала².

Стабильность не равнозначна статус-кво. Она характеризует вид движения системы, а статус-кво — один из моментов этого движения³. Статус-кво — это стабильность при условии, что скорость движения системы стремится к нулю. Но в этом случае системе угрожает гибель, она не может перестать развиваться. Таково одно из структурных объяснений неуспеха политики статус-кво в ретроспективе двух мировых войн за первую половину XX в.: на определенном этапе самоорганизации системы (переход от «дисперсного» типа отношений к коалиционному) статус-кво стал вести к накоплению конфликтного потенциала изменчивости системы; внутренние противоречия не разрешались, а откладывались; отложенный конфликт результировался во взрыв умноженной мощности.

Приняв определение стабильности как типа движения, а не состояния, можно охарактеризовать ее соотношение с безопасностью. Эксперты не раз указывали на изменение смысла понятия «безопас-

¹ Более развернутому анализу такого понимания стабильности посвящена наша с К.В.Плешаковым специальная работа. См.: Динамика международной стабильности // Международная жизнь. 1991. № 2. С. 35-46.

² В общем виде на необходимость каким-то образом отразить в определении стабильности динамический момент системного развития указывали М.Каплан (*Kaplan M. The System Approach to International Politics // New Approach to International Politics / Ed. by M.Kaplan. N.Y.: Sharpe, 1968. P. 388*), а также О.Янг (*Young O. Political Discontinuities in the International System // World Politics. Vol. 12. № 3 (April 1968)*).

³ Любопытно, что Э.А.Поздняков, широко и вольно пользующийся термином «баланс сил», одновременно отрицает его «статическое содержание» и стремится придать ему «динамическую» интерпретацию. См.: Поздняков Э.А. Философия политики. Т. 2. С. 208.

ность». Оно стало включать в себя не только гарантии суверенитета, целостности, защиты населения, но и обеспечение благоприятной природной среды, доступности ресурсов, защиту от стихийных бедствий и даже поддержание материального благополучия¹. Связывают с безопасностью и содействие распространению демократических ценностей². Очевидно, что такого рода рассуждения относятся не столько к понятию «безопасность», сколько к описанию угроз безопасному существованию. Для целей исследования требуется иной угол зрения — безопасность как таковая. В литературе распространены два ее понимания: безопасность как неугрожаемое состояние, и безопасность как совокупность мер для его обеспечения.

Если безопасность подразумевает искомое состояние государства или системы, то стабильность — тип смены их реальных состояний, которые могут характеризоваться большей или меньшей безопасностью. Или по-другому: безопасность воплощает отсутствие угроз для выживания, а стабильность — способность компенсировать такие угрозы в случае их возникновения за счет внутренних адаптационных возможностей системы. Наконец, третий вариант: стабильность — это равномерно отклоняющийся тип движения, средней линией которого можно считать отсутствие угрозы выживанию системы, с которым и отождествляется безопасность.

Вернувшись к интерпретациям стабильности (от К.Дойтча и Дж.Д.Сингера до К.Уольтца), заметим, что все они тяготеют к «прикладному» видению стабильности — к ее пониманию как условия безопасности. Оттого описание стабильности по Дойтчу и Сингеру напоминает попытку перечисления условий, при которых государство будет чувствовать себя безопасно. В этой главе сделана попытка проанализировать стабильность как относительно автономный, объективный феномен, который не является только рукотворным плодом политиков, а органически присущ системе. Стабильность не всегда может доминировать в международных отношениях и в этом смысле зависит от политиков, которые могут способствовать или препятствовать стабилизации системы. Но они вряд ли могут «играть в такую игру» долго без опасности для своего существования, потому что государства зависят от системы больше, чем ее выживаемость — от каждого из них.

Дальнейший анализ уместно развернуть к взаимосвязи глобальных и страновых аспектов стабильности и безопасности. Тождественность безопасности и стабильности в тенденции может существовать, хотя бы теоретически. В той мере, как цель безопасности — выживание системы, она сближается со стабильностью, воплощающей оптимальный для обеспечения этой выживаемости тип движения.

¹ *Pentland C.C. European Security After the Cold War // Building a New Global Order. P. 64.*

² *Sorensen Th. Rethinking National Security // Foreign Affairs. Vol. 69. № 3 (Summer 1990). P. 7.*

Допустимо полагать, что смысл безопасности состоит в обеспечении стабильности. С оговорками можно сформулировать и обратное: стабильность представляет собой вид саморегулирующегося (самокомпенсирующегося) движения как оптимального с точки зрения выживаемости системы. Значит, безопасность системы может считаться, если не целью, то полюсом тяготения стабильности.

Однако важно подчеркнуть, что эта достаточно условная связь существует лишь на общесистемном уровне. С долей погрешности допускать отождествление стабильности и безопасности можно, если речь идет о глобальной системе. На страновом же уровне подобное допущение выглядит некорректно. В самом деле, для выживаемости системы может быть безразлична гибель отдельных государств. Возможны ситуации, когда их разрушение способно работать на сохранение системы в целом. Распад СССР был абсолютно несовместим с его безопасностью. Но глобального кризиса стабильности не последовало¹, и даже гипотетически угроза разрушения мировой системы не рассматривалась. С точки зрения безопасности Германии ее расчленение на пять частей (ФРГ, ГДР, Западный Берлин, Померания-Силезия и Восточная Пруссия) в 1945 г. означало полный крах. Но признание раскола как реальности в конце 60-х — начале 70-х годов привело к стабилизации обстановки в мире.

В Южной Азии в 70-х годах разрушение политического единства Западного и Восточного Пакистана тоже привело к стабилизации обстановки в северо-восточной части этого региона.

Сказанное не означает, что предлагаемое видение соотношений безопасности и стабильности претендует на нормативность. Задача заключается в том, чтобы обозначить болевые точки российской теории международных отношений в той мере, как она относится к проблеме стабильности, и предложить единый вариант истолкования соотношений между собой понятий, без которых дальнейший анализ может вылиться в двусмысленные или просто непонятные рассуждения.

Статический аспект: стабильность и порядок

Стабильность, как она понимается в этой работе, включает в себя статическое и динамическое начала международных отношений. Исторически, как уже говорилось, преобладало первое. Отмечалось, что в 60-е и 70-е годы такое восприятие формировалось под сильным давлением военно-политических исследований с их ориентацией на стратегическую стабильность. Вместе с тем, старая школа историко-дипломатической науки продолжала развиваться. Сохранялась и линия политико-исторического осмысления феномена стабильности. В этой области самой яркой фигурой был Г.Киссинджер. Его взгляды

¹ Последовал частичный структурный кризис, выразившийся в падении управляемости международных отношений. Но он оказался, пользуясь медицинским термином, вполне компенсированным. См.: Богатуров А.Д. Кризис миротворческого регулирования // Международная жизнь. 1993. № 7. С. 30-40.

особенно интересны по двум причинам: во-первых, он сам испытывал горячий теоретический интерес к классической дипломатии статус-кво и силового равновесия¹; во-вторых, вряд ли кто еще имел такие возможности проецировать ее стратегию и тактику на живую ткань международных отношений 60-х и 70-х годов, являясь с 1969 по 1976 г. ключевой в интеллектуальном отношении фигурой «первой разрядки».

В понятийном аппарате Г.Киссинджера и его коллег «стабильность» занимала гораздо более важное место, чем в обиходе их предшественников, работавших в XIX в. и первой половине XX в. Наполнение этого понятия определялось взаимодействием образного ряда классики и ассоциациями с доктриной «стратегической стабильности», хорошо знакомой и созвучной самому Г.Киссинджеру. Поскольку и в старом дипломатическом, и новом военно-стратегическом истолкованиях акцент делался на консервирующем моменте, то и в восприятии Г.Киссинджера стабильность виделась преимущественно в «статическом ключе». Она уже не приравнивалась «просто» к статус-кво. Динамика ситуации в лихорадочно самоопределявшемся третьем мире оттеняла недостаточность терминов времен К.Меттерниха или Д.Ллойд-Джорджа. Но идея упорядочения международных отношений была актуальна. Стабильность стала связываться не столько со «статус-кво», сколько с «порядком».

В литературе высказываются разные взгляды на содержание понятия «международный порядок». Из современных наибольшую известность приобрела концепция американского исследователя Линна Миллера. Он считает главным признаком порядка присутствие в мировой системе некоторого основополагающего принципа, которым сознательно или стихийно руководствовались бы государства. В книге «Глобальный порядок» он трактует этот принцип отвлеченно. Утверждается, что с середины XVII в. до Первой мировой войны в мире существовал всего один порядок, автор называет его вестфальским (по Вестфальскому миру, положившему конец Тридцатилетней войне в Европе и послужившему, как утверждает Л.Миллер, началом нового порядка). Основанием для такого обобщения автор считает то обстоятельство, что в основе международных отношений всего этого периода лежал принцип «разрешительности» (*laissez-faire* = «позволять делать») или «невмешательства»². Как отмечает Л.Миллер, «в самом широком смысле концепция разрешительности предполагает, что для общего блага лучше всего предоставить наибольшую меру свободы и возможности индивидуальным лицам в обществе служить

¹ Перу Г.Киссинджера принадлежит специальная работа о европейской стабильности XIX в.. См.: *Kissinger H.A. A World Restored: Metternich, Castlereagh and the Problems of Peace*. Boston: Houghton Mifflin, 1973.

² *Miller L.* Op. cit. P. 29-32. Термин заимствован из экономической теории А.Смита и означал прежде всего отказ государства от вмешательства в экономическую жизнь. С этим принципом ассоциировалась «свобода торговли».

индивидуальным лицам в обществе служить своим собственным интересам»¹. Этот принцип предполагал отказ одного государства от постоянных внешнеполитических обязательств и одновременно от попыток помешать другому государству в осуществлении его задач во всех случаях, когда это не касается жизненных интересов первого. Антиподом этой политики Л.Миллер считает «вильсонский» принцип международного регулирования, впервые представленный В.Вильсоном в 1918 г. Этот принцип воплотился в потенциально «интервенционистской» политике Лиги Наций, затем — ООН, а в последние годы — США и НАТО.

Стоит отдать должное оригинальности такой интерпретации. Тем более что Л.Миллер справедливо сделал акцент на динамическом компоненте международных отношений, необходимости присутствия в них наряду с консервирующими, упорядочивающими устремлениями одновременно также и иницилирующих импульсов, противоречий и конфликтов. Но принять такую концепцию за основу дальнейшего развития нашей темы вряд ли можно.

Во-первых, Л.Миллер абсолютизирует «разрешительное» начало, растворяя в основанном на нем и три века длившемся Вестфальском порядке несколько периодов преобладания не «разрешительности», а скорее, «запретительности» в международных отношениях (1815-1823 гг., десятилетие после Крымской войны, последняя четверть XIX в.). Британия, например, с конца XVIII в. так широко трактовала свои жизненные интересы, что около 150 лет она практически непрерывно занималась созданием коалиций, с тем чтобы помешать то одной, то другой европейской державе в реализации целей, которые та ставила. В этом ей периодически помогали Франция и Австрия.

Во-вторых, что существенно, искусственно помещая три века международных отношений в рамки единого порядка, автор делает упор на однородности всего этого огромного периода. С аналитической точки зрения это вряд ли целесообразно, потому что при таком подходе невозможно проследить тенденции, в частности, ту, что важна для нашего исследования, — тенденцию смены моделей стабильности в мировой системе.

В-третьих, Л.Миллер вообще понимает «порядок» не как «устройство», а как «образ действия». Это снимает все возможные претензии к его действительно талантливой работе с точки зрения интересов нашего исследования, сфокусированного на анализе роли международных структур. Но одновременно это же и вынуждает решительно отказаться от следования в ее русле.

В отличие от концепции Л.Миллера большинство авторов склоняется к более конкретному видению порядка как воплощения разумно *ограничительного начала* во внешней политике государств и их взаимоотношениях, связывая с функцией такого ограничения упрочение стабильности мировой системы. Британский исследователь

¹ Ibidem. P. 30.

Роберт Купер, отталкиваясь от классической работы Хэдли Булла¹, например, предложил несколько возможных интерпретаций «порядка». Во-первых, таковым может считаться преобладающий тип внешнеполитического поведения государств (pattern of actions), независимо от того, служит ли оно упорядочению или дезорганизации системы (здесь Р.Купер близок Л.Миллеру); во-вторых, порядок может означать определенную степень стабильности и целостности системы (исторически такое видение преобладало); в-третьих, порядок можно понимать как «правила, которые управляют системой и поддерживают ее в состоянии стабильности; моральное содержание, воплощающее идеи справедливости и свободы»².

Уже упоминавшийся Н.Ренгер, независимо от Р.Купера, в сущности, развивает его второй тезис, предлагая отделять понятия мирового порядка от международного. Первый, по его мнению, воплощает модели человеческой деятельности, которые обеспечивают элементарные или главные цели общественной жизни человечества в целом. Второй — модели поведения, связанные с реализацией главных задач сообщества государств или международного сообщества³.

Признавая значимость постановки вопроса о моделях внешнеполитического поведения государств, трудно согласиться с мнением, что сами эти модели воплощают международный порядок. Такое понимание кажется слишком абстрактным и излишне сориентированным на бихейвиористский анализ внешней политики. История же международных отношений, начиная с 70-х годов, подвигает к заключению о преобладании на практике видения порядка, промежуточного между «поведенческим» (по Л.Миллеру, Р.Куперу и Н.Ренгеру) и структурным. Таковым, например, оно было у Г.Киссинджера. В воспоминаниях о годах дипломатической активности он подчеркивал, что не видит возможности обеспечить мир без равновесия (структурное понимание) и справедливости без самоограничения (поведенческое)⁴.

Под «порядком» в дальнейшем изложении будет пониматься система межгосударственных отношений, регулируемых совокупностью принципов внешнеполитического поведения [1]; согласованных на их основе конкретных установлений [2]; набора признаваемых моральными и допустимыми санкций за их нарушения [3]; потенциала уполномоченных стран или институтов эти санкции осуществить [4]; политической воли стран-участниц этим потенциалом воспользоваться [5].

¹ Bull H. The Anarchical Society. A Study Order in World Politics. N.Y.: Columbia University Press, 1977.

² Cooper R. Is there a New World Order? // Prospects for Global Order. Vol. 2 / Ed. by Seizaburo Sato and Trevor Taylor. L.: Royal Institute of International Relations, 1993. P. 8.

³ Rengger N.J. No Longer a «Tournament of Distinctive Knights»? P. 146.

⁴ Kissinger H.A. The White House Years. Boston; Toronto: Little, Brown and Company, 1979. P. 55.

Определение порядка как некоторой структуры отношений подразумевает, что он должен опираться на формальную юридическую базу — договор или комплекс взаимосвязанных соглашений, устав международной организации и т.п., если только, конечно, не имеется в виду порядок в условиях однополярного мира — Pax Romana в пределах Римской империи. Присутствие всех пяти названных элементов порядка в чистом виде — ситуация редкая. Возможно, поэтому и идеально прочными известные варианты международного порядка не были. Тем не менее, с большей или меньшей долей уверенности можно говорить о существовании венского порядка (в чистом виде в 1815-1825 гг., а с учетом возобновлявшихся и иногда успешных попыток его восстановить — до создания Германской империи в 1871 г.)¹, версальского (1918-1938 гг.), ялтинско-потсдамского (1945-1991 гг.).

Но, следовательно, в конце 60-х ничего принципиально нового создавать было не нужно. Сверхзадачей «первой разрядки» была стабилизация международных отношений через укрепление уже сложившейся биполярной структуры посредством внедрения в нее дополнительного элемента — новых принципов отношений между СССР и США в условиях стратегического паритета, под которым понимается заведомое превышение военными потенциалами СССР и США уровня, после которого их столкновение при всех обстоятельствах гарантировало взаимное уничтожение.

Да и сам Г.Киссинджер, теоретик и практик разрядки, насколько можно судить, видел себя, скорее, «спасителем» международной стабильности, чем ее «отцом». Во всяком случае, в качестве темы одного из двух своих крупных трудов по истории международных отношений он выбрал не дипломатию позднего Галейрана и Александра I, стоявших буквально у истоков установлений 1815 г., а политику Меттерниха и Кестльри, которые не столько создавали венский порядок, сколько работали над его сохранением. По-видимому, с ними, более, чем с кем-то еще из своих предшественников, мысленно отождествлял себя тот, кто в 70-х годах стал первым дипломатом Соединенных Штатов².

Как бы то ни было, политика разрядки была выдержана в духе ограничивающей функции порядка. «Порядок» выступал как выражение консервирующей и ограничивающей функции стабильности. Логика состояла в стремлении развести потенциально конфликтные интересы СССР и США³. Если же вероятность случайного проти-

¹ Р.Купер в уже упоминавшейся работе о мировом порядке так же с определенностью указывает на объединение Германии в XIX в. как на рубежный этап в разрушении европейской стабильности и равновесия. См.: Cooper R. Op. cit. P. 9.

² Kissinger H.A. A World Restored: Metternich, Castlereagh, and the Problems of Peace. Boston: Houghton Mifflin, 1973.

³ См. подробнее: Богатуров А.Д., Плешаков К.В. Динамика международной стабильности. С. 39.

противостояния возникала, предмет намечающегося спора предполагалось заранее обсудить и найти компромисс в духе более или менее симметричной взаимной сдержанности. Иными словами, политика «первой разрядки» строилась на принципе *изоляции конфликтных устремлений*.

Это был статический вариант стабильности, который предполагал, что все внимание СССР и США будет сосредоточено на сохранении сложившихся между ними соотношений в силовом (паритет) и географическом (сферы влияния) смыслах. В его основе лежали стратегическое сдерживание и конфронтация — но конфронтация управляемая и регулируемая. Под конфронтацией при этом понималось систематическое и более или менее симметричное противопоставление сторонами своих действий друг другу.

Взаимный страх и осознание своей уязвимости, которые впервые возникли в Москве и Вашингтоне в дни Карибского кризиса октября 1962 г., были дополнены договоренностями об укреплении механизмов кризисного управления в чрезвычайных ситуациях, о принципиальных основах взаимоотношений между двумя сверхдержавами. Обобщенным выражением и символом стабилизации международных отношений стала подготовка Заключительного Акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975 г.). После него, условно говоря, в мире и формально утвердилась «конфронтационная стабильность»¹ как вид статической. Она определяла структуру международных отношений приблизительно с 1962 по 1991 г.

*Стабильность и конфигурация международной структуры:
«плюралистическая однополярность»*

Идея «конфронтационной стабильности», неполным аналогом которой в западном интеллектуальном обиходе можно считать выражение «длинный мир», предложенное Джоном Льюисом Гэддисом², была, строго говоря, порочна, так как эта модель была основана на симметрии страха перед взаимным уничтожением. Но в реальности она содействовала укреплению мира, снижая шансы прямого столкновения СССР и США. Стабилизация мировой системы с конца 60-х до конца 70-х годов была столь зримой и непривычной после почти четырех десятилетий напряженности, что вызвала энергичную интеллектуальную реакцию со стороны политологов. В центре внимания оказалась взаимосвязь стабильности с той или иной конфигурацией международной структуры. Речь шла о том, можно ли было ждать при «биполярно зарегулированной» структуре мира 70-х годов тех же результатов, каких можно было достичь в удачные периоды многополярности XIX в.

¹ Термин предложен К.В. Плешаковым.

² Gaddis J.L. The Long Peace: Element of Stability in the Postwar International System // International Security. Vol. 10. № 4 (Spring 1986). P. 99-142.

Под многополярностью в этой работе понимается структура международных отношений, при которой существует несколько ведущих держав, сопоставимых по совокупности своих силовых, экономических, политических возможностей и потенциалу идейно-политического влияния. Биполярностью уместно считать ситуацию, при которой существует значительный отрыв только двух государств от всех остальных членов международного сообщества по совокупности возможностей, которые перечислены выше¹.

Инициаторами полемики стали американские ученые К.Дойтч и Дж.Д.Сингер, весной 1964 г. опубликовавшие статью «Многополярные системы государств и международная стабильность»², в которой стабильность увязывалась с наличием многополярности. Их идеи вызвали критику со стороны тех, кто не только считал стабильность возможной в условиях биполярности, но и расценивал двуполярную структуру как более благоприятную для сохранения мира. Выразителем последней точки зрения был К.Уольтц, вступивший в полемику с К.Дойтчем и Дж.Д.Сингером после выхода в свет их статьи собственной публикацией в 1964 г. и к 1979 г. обобщивший свои аргументы в крупной работе «Теория международной политики»³.

Этот труд, ставший классикой международно-политической теории, задал высокий профессиональный уровень продолжающейся до настоящего времени дискуссии вокруг проблемы обеспечения стабильности, но одновременно и ограничил ее проблемные рамки. Полемике с ним и в то же время развитию, уточнению и проверке сомнениями его построений посвящены длинный ряд книг и десятки статей последующих авторов⁴. Со второй половины 80-х годов среди оппонентов К.Уольтца более других известность приобрел американский историк Дж.Л.Гэддис.

Дискуссия сконцентрировалась на двух положениях. Во-первых, (здесь тон задавал Дж.Л.Гэддис) К.Уольтца обвиняли в абсолютности

¹ Подробнее см.: Богатуров А.Д. Кризис миросистемного регулирования // Международная жизнь. 1993. № 7. С. 30-40.

² Эта работа (Deutsch K.W., Singer J.D. Multipolar Power Systems and International Stability) впервые опубликована в журнале «World Politics». В 1975 г. она была воспроизведена в доработанном авторами виде в кн.: Analyzing International Relations. A Multimethod Introduction / Ed. by W.Coplin, Ch.Kegley. N.Y.: Praeger, 1975. P. 320-337. Этот позднейший вариант и использован в книге.

³ Наиболее часто цитируемая статья: Waltz K. The Stability of the Bipolar World // Daedalus. Vol. 13. 1964 (Summer 1964). См. также: Waltz K. Theory of International Politics. Reading, MA: Addison-Wesley, 1979.

⁴ Из наиболее комплексных см.: International Relations Theory. Realism, Pluralism, Globalism / Ed. by Paul Viotti, Mark Kauppi. N.Y.; L.: Macmillan Publishing Company, 1987; Analyzing International Relations. A Multimethod Introduction / Ed. by W.Coplin, Ch.Kegley. N.Y.: Praeger, 1975; From Cold War to Collapse: Theory and Work Politics in the 1980s / Ed. by Mike Bowker, Robin Brown. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

зации роли международной структуры. Под структурными факторами он понимал биполярность и высокую степень независимости противостоящих центров друг от друга. Фактор ядерного оружия Уолтц учитывал, но долгое время (до конца 80-х годов) не придавал ему решающего значения¹. Он стремился показать, что структура межгосударственных отношений наделена определенной мерой функциональности сама по себе, обладает некоторой автономной стабилизирующей функцией, то есть органической способностью тяготеть к равновесию. В этом смысле, по его мысли, естественным тяготением к равновесию — стабильности наделены и многополярные, и двуполярная структуры. Но это присуще им в разной мере, и биполярность, с точки зрения стабильности, надежнее. П.Виотти и М.Кауппи, достаточно нейтральные комментаторы теории Уолтца, отмечали, что, по его мнению, государства подобны бильярдным шарам на столе, которые сколько бы они не катались, в конце концов все равно замрут в состоянии покоя, по крайней мере, до тех пор, пока их снова из него не выведут².

Дж.Л.Гэддис, напротив, акцентировал внимание на влиянии, которое оказывает на международную стабильность поведение отдельных государств. Он признавал стабильность биполярного мира, но считал ее производной не от самой двупольной структуры, а от особенностей поведения сверхдержав в условиях ядерного противостояния. Фокус его анализа смещался к исследованию традиционных политикоформирующих факторов — влиянию материальных интересов, представлений о безопасности, роли личности в политическом процессе. Гэддис не отрицал стабилизирующей роли биполярности, но отмечал, что наряду с чисто структурными факторами, такими, как силовой отрыв двух сверхдержав от остальных государств и высокая степень независимости противостоящих центров друг от друга, стабильность определялась «поведенческими» характеристиками межгосударственных отношений — осознанием разрушительной силы ядерного оружия и качественного рывка в прогрессе средств разведки и слежения, постепенным отказом СССР и США от наиболее острых форм идеологического противостояния³.

Во-вторых, как уже говорилось, несогласие вызывала точка зрения К.Уолтца на биполярность. Обосновывая ее, он указывал, что

¹ Стоит отметить, что недооценка ядерного фактора у Уолтца простиралась так далеко, что еще в 1981 г. он мог ставить вопрос о возможности приобретения ядерного оружия малыми странами ради стабилизации соответствующих подсистем региональных отношений — о чем не без сарказма напомнил Дж.Л.Гэддис в очередной своей интеллектуальной пикировке с Уолтцем в начале 1993 г. См.: *Gaddis J.L. International Relations Theory and the End of the Cold War // International Security. Vol. 17. № 3 (Winter 1992/1993). P. 33.*

² См.: *International Relations Theory. Realism. Pluralism. Globalism. P. 52.*

³ *Gaddis J.L. Op cit. P. 123.*

в условиях ядерного противостояния решающую роль приобретает такой фактор, как уверенность каждой из сторон в отсутствии у гипотетического противника намерения нанести первый удар. При биполярности, когда число участников конфронтации минимально, наименьшей является и неопределенность. Значит, фактор неуверенности легче всего поддается контролю¹. Наоборот, расширение числа участников противостояния повышает вероятность общего конфликта. «Многополюсный мир был очень стабильным, но одновременно, к несчастью, и слишком предрасположенным к войнам», — написал он в конце 1993 г. в своей новой работе, во многом подводящей итог многолетним размышлениям об эволюции международной структуры².

Сторонники противоположного мнения, начиная с К.Дойтча и Дж.Д.Сингера, тоже указывали на важность фактора неуверенности в условиях конфронтационной стабильности. Соглашались они и с тем, что при многополярности уровень неопределенности в международных отношениях существенно выше. Но, по их мнению, возросшая неуверенность и должна оказывать сдерживающее влияние на всех участников противостояния, удерживая каждого из них от применения силы³. Выступая в поддержку этой аргументации, П.Хьюс, Л.Гелпи и Д.С.Беннет в своем новом исследовании о закономерностях эскалации военных противостояний между великими державами утверждают, что считать многополярность фактором, повышающим вероятность кризисов, можно лишь в том случае, если в системе международных отношений «число государственных лидеров, готовых к риску, значительно превысит число лидеров, от него уклоняющихся»⁴.

Вклад в дискуссию внесли и специалисты в области политической экономики, влияние которых стало ощущаться начиная с 70-х годов, когда в их среде была сформулирована получившая известность в начале 80-х годов теория «гегемонистической стабильности». В прочтении известного американского политолога Дж.Найя она оказалась сплавом политико-экономических обобщений и прикладного анализа под углом зрения национальной безопасности и соотношения сил в мире.

Автором термина «гегемонистическая стабильность» принято считать профессора Гарвардского университета Роберта Кохэйна, впервые «запустившего» его в 1980 г. Он предложил данный термин как общее название для разработок нескольких не связанных между собой исследователей в области мировой экономики, которые под разными углами зрения анализировали роль лидерства в мировых

¹ Waltz K. The Stability of the Bipolar World // *Daedalus*. Vol. 13 (Summer 1964). P. 898-899.

² Waltz K. The Emerging Structure of International Politics // *International Security*. Vol. 18. № 2 (Fall 1993). P. 45.

³ См.: Deutsch K., Singer J.D. *Op. cit.* P. 321.

⁴ Huth P., Gelpi C., Bennet D.S. The Escalation of Great Power Militarized Disputes: Testing Rational Deterrence Theory and Structural Realism // *American Political Science Review*. Vol. 87. № 3 (September 1993). P. 619.

связях. Одновременно с Р.Кохэйном, по сути дела, идентичный взгляд высказал профессор Принстонского университета Роберт Гилпин, специалист по политической экономии, хотя он первоначально предпочитал пользоваться в своих рассуждениях словом «лидерство» вместо «гегемония». Оба профессора были заинтересованно, но вполне критически настроены к самой идее «гегемонистической стабильности». Однако оказалось, что они, дополняя и разбирая работы друг друга, своими публикациями, во-первых, обозначили понятийный круг анализа, а во-вторых, способствовали широкой популяризации самой идеи «гегемонистической стабильности» в академическом сообществе.

Изначально концепция адресовалась сфере мирохозяйственных связей. Однако Дж.Най вывел разговор за рамки экономико-политических обсуждений, устранил несообразности узкоэкономического подхода и выстроил цельную политико-военно-экономическую теорию, которая была приложена им к реалиям рубежа 80-х и 90-х годов.

В основе концепции гегемонистической стабильности лежало допущение того, что для стабильного развития (мировой экономики — по Р.Кохэйну и Р.Гилпину, или мира в целом — по Дж.Наю) требуется явное («гегемонистическое») преобладание в международных отношениях какой-то одной державы. По определению, совместно данному Р.Кохэйном и Дж.Наем в 1977 г., под гегемонией понималась международная ситуация, в которой «одно государство является достаточно сильным, чтобы утверждать основные правила, регулирующие межгосударственные отношения, и обладает волей поступать таким образом»¹. По мнению Р.Кохэйна, государство может стать гегемоном, если его положение будет обеспечивать ему контроль над сырьевыми ресурсами [1], источниками капитала [2], рынками [3] и конкурентные преимущества в производстве наиболее высокоценных товаров [4]².

Феномен гегемонии рассматривался с безоценочных позиций — он не восхвалялся и не осуждался, только фиксировался. Считалось, что гегемонистическое доминирование не обязательно должно было навязываться. Оно могло сложиться в силу объективных обстоятельств — наличия передовой экономики, отстраненности от вызванной войной разрухи и т.д. Более того, Р.Гилпин подчеркивал, что для утверждения гегемонистической стабильности требуется «значительная степень идеологического согласия». «Если другие страны начнут считать действия гегемона эгоистичными и противоречащими их собственным политическими и экономическим интересам, гегемонистическая система сильно ослабнет», — писал он³. В качестве примера гегемонистической стабильности большая часть авторов называла

¹ Цит. по: Keohane R.O. *After Hegemony. Cooperation and Discord in the World Political Economy*. Princeton: Princeton University Press, 1984. P. 34-35.

² Ibidem. P. 32.

³ Gilpin R. *The Political Economy of International Relations*. Princeton: Princeton University Press, 1987. P. 73.

период с 1815 г. по начало XX в., когда мировым гегемоном была Британия. Многие считали, что аналогичная ситуация сложилась и в первые два десятилетия после Второй мировой войны, когда роль «стабилизирующего» гегемона выполняли США.

Однако все же эту теорию можно было воспринимать всерьез, ограничиваясь анализом реалий XIX в. Применимость ее к послевоенному времени вызвала сомнения, так как приходилось абстрагироваться от факта существования не только СССР и зависимых от него стран, но и Китая. Не удивительно, что у Дж.Най возникло желание скорректировать концепцию.

Насколько можно судить, ему импонировала идея стабильности в условиях преобладания одной державы — преобладания, к тому же (не будем забывать тезис Р.Гилпина), с согласия «ведомых». Пафос его опубликованной в 1990 г. книги¹ о мировом лидерстве воплощен в стремлении спрогнозировать контуры будущей мировой структуры, в которой, как можно было предположить через 5 лет после начала «перестройки» в СССР, биполярности могло и не быть. Тем важнее было проработать варианты единоличного лидерства США — и теория гегемонистической стабильности в этом смысле давала необходимый концептуальный каркас.

В духе здорового скептицизма Дж.Най оспорил тезис о двадцатилетнем гегемонистическом преобладании США после Второй мировой войны (1945-1965 гг.), так же, как и об упадке США в 1973-1990 гг. Его анализ показывал, что упадок США происходил с 1950 по 1973 г., а после 1980 г. практически приостановился — что противоречило утверждениям экономической школы гегемонистической стабильности². Более того, конечный вывод Дж.Най состоял в том, что в военном отношении Соединенные Штаты вообще не были гегемоном за обозреваемый период ни разу, поскольку их всегда уравновешивала мощь СССР³.

Теория гегемонистической стабильности, неся в себе рациональное зерно, не могла не вызвать возражений со стороны сторонников видения мира как движущегося к многополярности. В качестве указания на наступление таковой в экономической области обычно ссылались на ослабление позиций США в мировом хозяйстве, символом которого стала отмена американской администрацией в 1971 г. золотого стандарта. В политике воплощением многополярности, как утверждалось, была независимая линия Китая. Дж.Най не уклонялся от учета этих обстоятельств, но его точка зрения состояла в том, что оба они не изменили базисной структуры послевоенных межгосударственных отношений, хотя и внесли в нее новые элементы⁴.

¹ Nye J.S., Jr. Bound to Lead. The Changing Nature of American Power. N.Y.: Basic Books, 1990.

² Ibidem. P. 73.

³ Ibidem. P. 92, 104.

⁴ Ibidem. P. 94.

Распад СССР вызвал оживление сторонников интерпретации мира 90-х годов как многополярной системы. Теперь в основе этой аргументации лежал весомый факт разрушения одной из двух основ биполярности в том виде, как она существовала в 1945-1991 годах. Но, как представляется, случившееся само по себе не содержит никаких указаний на контуры будущей мировой структуры, оно лишь с определенностью свидетельствует о достаточно радикальном сдвиге в прежней. В самом деле, экономическая и политическая ситуация в России и сопредельных с ней государствах бывшего СССР настолько сложна, что говорить о России или СНГ как о полноценном глобальном «полюсе», очевидно, не приходится. Но одновременно сохраняется по-прежнему огромный силовой отрыв всего только двух стран мира — США и России — от всех остальных членов международного сообщества по совокупности своих военных возможностей. Между тем, наличие такого отрыва как антипода сопоставимости возможностей сразу нескольких государств и является основанием для различия биполярности от многополярности, как об этом уже говорилось выше. Поэтому нынешнюю реально существующую мировую структуру можно обозначить не вполне точным словом «полуторополярность», под которой подразумевается наличие двух основных полюсов, из которых один (американский) значительно превосходит второй.

Сдержанно-скептические мнения по поводу многополярности в теоретико-аналитической литературе встречаются достаточно часто — в отличие от историко-публицистической ветви политической науки. Скажем, даже Н.Ренгер, представляющий британскую и европейскую школы политологии, традиционно критически настроенные по отношению к существованию биполярного мира, в ходе своих рассуждений приходит к выводу о том, что разрушение порядка «холодной войны», как он его называет, «не автоматически означает возвращение в многополярность, если под ней понимать традиционное равновесие сил, как оно существовало между великими державами в XIX веке»¹.

Осторожен в оценках и японский теоретик Акихико Танака (подобно европейской, японская политология не проявляла особого энтузиазма по поводу американско-советского доминирования). Он считает, что в военном отношении после войны в Персидском заливе (1990-1991 гг.) мир стал однополярным (единственный полюс — США); в экономическом — трехполярным (США, Германия, Япония); в организационно-политическом — пятиполярным (США, Британия, Франция, Россия, Китай). Под организационно-политическим потенциалом Танака понимает накопленный политико-дипломатический опыт и способность государства к эффективному политическому реагированию на события в мире через механизм Совета Безопасности ООН и иными способами. Структура мира, по Танака, предстает в виде сложной формулы $1-3-5^2$.

¹ Rengger N. Op. cit. P. 150.

² Tanaka A. Is there a Realistic Foundation for a Liberal New World Order? // Prospects for Global Order. P. 35.

Число цитат можно умножить. И все же некоторые обобщения необходимы. Во-первых, «энтузиасты» и «скептики» многополярности, в сущности, сходятся в том, что разрушение Советского Союза повлекло за собой достаточно радикальную трансформацию мирополитической структуры и означало распад биполярности в чистом виде. Во-вторых, и в этом тоже существует консенсус, США остались единственной «комплексной» сверхдержавой, которая, несмотря на относительное снижения уровня ее преобладания в отдельных областях международных отношений, сохраняет огромный отрыв от всех государств мира по совокупности своих возможностей.

Следовательно, размышлять о структуре будущего мира уместно в русле понимания, скорее, роли США в международном сообществе, чем сообщества как такового. Соединенные Штаты, несмотря на заявления политиков, не смотрят и не готовятся смотреть на себя как на рядового члена даже Западного мира, не говоря уже о мире вообще. Пересмотр американских взглядов на мир определяется стремлением сократить бремя прямой зарубежной ответственности через его рационально-критическое переосмысление. Магистральная линия в этом смысле — отказ от непосредственного контроля в пользу опосредованного, но эффективного влияния. Даже самые сильные партнеры и конкуренты США, включая Россию и Китай, не в состоянии его блокировать, а значит, они вряд ли могут воздействовать на базисный факт: США заняли центральное место в мирополитической структуре.

Эта констатация не равнозначна указанию на главенствующее положение США в мировой иерархии. В той мере, как и сама иерархия, иерархичность, предполагающая жесткую ориентацию на главенство и подчинение, утрачивает смысл в мире, который ушел от одного типа глобального противостояния и не пришел к другому. С распадом СССР старая «вздыбленная» структура биполярного противостояния «распалась», реорганизовалась в более нейтральную центрально-периферийную форму¹. Однако под центром в ней вряд ли можно понимать только США. Скорее, таковым является плотно окружающая их группа шести других передовых индустриальных и демократических стран мира. И в той мере, в которой эта группа является сообществом, можно говорить не о наступлении многополярности, а, скорее, об изменении природы, размягчении, дозированной «плюрализации» однополярного лидерства США в мире, при том, что в самом лидерстве сомневаться преждевременно. Рассуждение, следовательно, уместно повернуть к оценке тенденции к «плюралистической однополярности» с точки зрения международной стабильности².

¹ Эта точка зрения подробнее развита в работе: Богатуров А.Д. Самоопределение наций и потенциал международной конфликтности // Международная жизнь. 1992. № 2. С. 5-15.

² См.: Богатуров А.Д. Плюралистическая однополярность и интересы России // Свободная мысль. 1996. № 2. С. 25-36.

Динамическая стабильность: «согласие на перемены»

«Плюралистическая однополярность» перекликается с идеей гегемонистической стабильности в том смысле, что обе исходят из допущения о доминировании одной державы. Но между ними, как представляется, есть различия. Теория гегемонистической стабильности выростала практически исключительно на базе представлений и опыта статических форм стабильности, связанных с представлениями о жесткой иерархичности международной системы, где подвижность и колебания безоговорочно приносились в жертву постоянству и неизменности.

В мирное время после 1945 г. в такой системе межстрановые противоречия либо загонялись вглубь (вариант взаимодействия сильного партнера со слабым даже в рамках союзнических отношений /США — Тайвань, США — Япония 50-х и 60-х годов, СССР — Польша и т.д./); либо изолировались друг от друга, если оба партнера были сильными (разрядка по Г.Киссинджеру). В обоих случаях мир удавалось сохранить, хотя была своего рода противоестественность в том, каким образом это достигалось. Но статическая стабильность была не единственной формой обеспечения устойчивости международных отношений.

Не решаясь сформулировать вопрос так определенно, профессор Университета Восточной Англии Ричард Крокэт близко к тому подходит. Критикуя известные по литературе описания-определения стабильности, он замечает: «Очевидно, стабильность не равнозначна статике. В понятие стабильности входит идея адаптации к изменениям, хотя, как можно предположить, к изменениям в неких пределах. Определить — каковы эти пределы — задача теоретиков стабильности»¹.

Справедливым кажется и его упрек мэтрам теории — тяготеющему к бихейвиоризму (но не признающему себя его сторонником) Дж.Л.Гэддису и структуралисту К.Уольтцу, — которым в равной мере «трудно принять в расчет возможные изменения в системе»². И это при том, что в последние годы, например, сам Дж.Д.Гэддис стал (правда, больше порицая своего оппонента К.Уольтца, чем критикуя себя) ссылаться на «статический характер выводов структуралистов — их неспособность принимать в расчет изменения», что, по его признанию, «сделало их подход не намного более пригодным, чем тот, что типичен для бихейвиористов для предвидения быстрых радикальных перемен, которые положили конец холодной войне»³. Во всяком случае, теоретики международных отношений еще не вполне осознали, что за 70-80-е годы в мире возникла новая модель стабильности — иная, чем статическая в ее конфронтационном варианте.

¹ Crockatt R. Theories of Stability and the End of the Cold War // From Cold War to Collapse: Theory and World Politics in the 1980s. P. 61.

² Ibidem. P. 66.

³ Gaddis J.L. International Relations Theory and the End of the Cold War // International Security. Vol. 17. № 3 (Winter 1992/1993). P. 38.

Различие между статической стабильностью по-Киссинджеру и этой новой, динамической, состояло в самом принципе отношения к межгосударственным противоречиям. В статической модели все определял принцип изоляции потенциально конфликтных устремлений, в динамической — логика умножения совпадающих¹. Противоречия не обязательно нужно было изолировать друг от друга, они могли соприкасаться и взаимодействовать, будучи уравновешенными общими интересами, привязывающими державы друг к другу. Соответственно, задача стабилизирующих усилий оказывалась связанной с формированием и расширением этой сферы совпадающих устремлений².

Примером динамической стабильности являются отношения США с Японией в 80-х и 90-х годах. Между двумя странами систематически воспроизводятся острые противоречия в ряде важнейших областей двусторонних связей³. Печать, аналитики и политические деятели обеих стран начинают всерьез размышлять об опасности разрушения их союза. Тем не менее, американо-японские связи сегодня — наиболее мощный, динамически развивающийся комплекс отношений в мире, поскольку сфера совпадающих интересов и устремлений обеих стран в военной, политической и хозяйственной областях делает разрыв между США и Японией невозможным без того, чтобы национальным интересам каждой из двух стран не был нанесен неисполнимый ущерб. При таком уровне взаимопроникновения присутствие противоречий в перспективе работает на укрепление партнерства, так как при совпадении принципиальных взглядов на невозможность разрыва стороны вынуждены работать над преодолением разногласий, накапливая опыт и совершенствуя механизм адаптации к периодически возникающим потрясениям.

Определяющим условием формирования динамической модели стабильности была тенденция к взаимозависимости как общемировое явление. Момент ее острого осознания связан с «нефтяными шоками» и структурно-экономическими катаклизмами 70 — начала 80-х годов. В этот период американо-японские отношения и начали развиваться в направлении взаимного сращивания экономических структур, достигшего к концу 80-х степени необратимости.

Американо-японские отношения — наиболее впечатляющий пример динамической стабильности. К воспроизводству их модели (с со-

¹ Эта точка зрения была впервые изложена нами в научной печати весной 1991 г. См.: Богатуров А.Д., Плешаков К.В. Динамика международной стабильности. С. 35-46.

² Пример сходной логики рассуждений находим в статье российского исследователя В.Удалова «Баланс сил и баланс интересов» (Международная жизнь. 1990. № 5. С. 16-25).

³ Убедительный анализ этой стороны американо-японского взаимодействия дан в докторской диссертации М.Г.Носова «Японский фактор в политике США. 1945-1990» (М.: Институт США и Канады РАН, 1991).

ответствующими поправками) продвигались США и СССР, когда в годы «перестройки» (1985-1991 гг.) М.С.Горбачев и президенты Р.Рейган и Дж.Буш пытались преобразовать советско-американскую конфронтацию в партнерство — трансформировать конфронтационный вариант биполярности в кооперационный. Достигнуть этого мыслилось не через изоляцию конфликтных, а через расширение сферы совпадающих интересов держав — в чем и состояло функциональное отличие «второй» разрядки от «первой».

Наконец, к динамическому типу стабильности тяготеют связи в рамках некоторых обширных фрагментов пост-советского пространства — например, между Россией и Украиной, в отношениях между которыми потенциальная острота проблемы Крыма гасится осознаваемой обеими сторонами неприемлемостью конфликта. Этот пример в нашем тексте менее случаен, чем может показаться. Он интересен не своей замысловатой этнопсихологической и политико-правовой спецификой. Динамическая стабильность в отношениях между Россией и Украиной позволяет установить связь между общетеоретическими дискурсами и спецификой Восточно-азиатского региона. Она определяется присущим российско-украинским связям сочетанием динамического типа стабильности с относительно невысоким уровнем их структурной организации (неразвитость договорно-правовой основы отношений, превалирование неформальных и полуофициальных форм урегулирования трений, преобладание практического сотрудничества над его концептуализацией и т.п.). Случайно или нет, но именно такое сочетание, с поправками на региональную и историческую специфику, характерно для Тихоокеанской Азии. Но что важнее всего, к этому же типу отношений со второй половины 90-х годов начинают эволюционировать отношения между Россией и США, в основу которых фактически уже легла формула «agree to disagree», то есть формула устойчивых мирных разногласий, сохраняющихся в двусторонних отношениях, но не ведущих к отчуждению, враждебности и войне.